

ПОЛИТИЧЕСКИЕ БАНДЫ И КРЕСТЬЯНЕ ПРИМОРЬЯ 1920—1930 гг.

Антон Александрович КИРЕЕВ,
кандидат политических наук

Одной из острых проблем в жизни советского Приморья 20-х — начала 30-х годов прошлого века была проблема, получившая название «политический бандитизм». Это явление не только регулярно привлекало к себе внимание различных органов местной власти, но и долгое время оставалось постоянным предметом обсуждения при рассмотрении ситуации в регионе руководством дальневосточного и даже центрального уровня.

Озабоченность власти была вполне обоснована. В своем развитии политический бандитизм не раз создавал реальную угрозу утраты советским государством суверенного контроля над значительной частью территории Приморья. Тем не менее важность места, занимаемого политическим бандитизмом в истории региона, исследователями начинает осознаваться только в последние годы, по мере того как становятся доступными источники, раскрывающие подлинные масштабы и характер этого явления.

Следует отметить, что понятие «политический бандитизм» в источниках да и в исследовательской литературе, как правило, остается неопределенным, а потому допускающим различные толкования. Примечательно, что в уголовном кодексе РСФСР 1922 г. понятие «политический бандитизм» как таковое отсутствует. При этом «бандитизм» в широком смысле как преступная деятельность вооруженных шаяк в кодексе упоминается дважды и в обоих случаях в главе, посвященной государственным преступлениям. В первом случае он фигурирует в разделе о контрреволюционных преступлениях (ст. 58), где рассматривается деятельность банд, осуществляемая в «контрреволюционных целях» и направленная на захват власти в центре или на местах, на насильственное отторжение части территории РСФСР или расторжение заключенных ею договоров. Второй раз это понятие встречается в разделе о преступлениях против порядка управления (ст. 76), где оно применяется для квалификации вооруженных налетов на советские и частные учреждения, а также на отдельных граждан¹.

Проводимое в уголовном кодексе 1922 г., а затем в кодексе 1926 г. разграничение между двумя разновидностями бандитизма, на мой взгляд, не тождественно его разделению на политический и неполитический (уголовный). Если отнесение контрреволюционного бандитизма к категории политического не вызывает сомнения, то бандитизм, описанный в ст. 76, характеризуется кодексом только с точки зрения своих внешних форм, без уточнения целей участников банд. Вместе с тем очевидно, что групповые вооруженные налеты на советские и частные учреждения или отдельных граждан могли иметь как личные и корыстные (т.е. собственно уголовные) мотивы, так и политическую подоплеку (будучи, например, формой борьбы против налоговой или землеустроительной политики советского государства).

Недостаточно четкое юридическое отделение политического бандитизма от неполитического в советском законодательстве создавало условия для различного толкования этого понятия и в судебной практике, и в общественном сознании в целом. В зависимости от целей толкователя (а в этой роли чаще всего выступали представители власти, следовавшие текущей линии партии) интерпретация понятия «политический бандитизм» либо сужала, либо расширяла его содержание. Первая из этих тенденций преобладала в риторике местных партийных и советских деятелей в первой половине 20-х годов, в период поиска путей стабилизации общественно-политической ситуации в стране. Вторая стала проявлять себя с конца 20-х годов накануне и в ходе коллективизации, когда сталинское руководство начало ставить перед партийно-государственным аппаратом задачи по выявлению возможно большего количества «классовых врагов».

Принимая во внимание вытекающую из сказанного неоднозначность источниковой информации, в этом исследовании автор опирается на собственное определение понятия «политический бандитизм», основанное на современных научных трактовках категорий политики и политического поведения. Под политическим бандитизмом будет пониматься групповая организованная вооруженная деятельность, нацеленная на захват государственной власти на местном, региональном или центральном уровне или изменение политики государства в той или иной сфере.

Трудность изучения поставленной проблемы состоит не только в недостаточной определенности связанной с ней терминологии, но и в объективной сложности самого исследуемого явления. Политический и уголовный бандитизм, безусловно, легче развести на уровне абстрактных понятий, чем на уровне его конкретных проявлений в жизни Приморья 20-х — начала 30-х годов XX в. Внешние поведенческие формы политического и неполитического бандитизма в регионе были очень схожи. Они включали в себя прежде всего разного рода насильственные действия — убийства, грабежи, погромы и поджоги, жертвами которых были представители самых широких слоев населения. Наряду с этим политические банды могли использовать (но использовали отнюдь не всегда) в своей деятельности такие специфические для них методы, как целенаправленный террор против должностных лиц, промышленные диверсии и агитацию.

Более устойчивым, а значит, и достоверным показателем политического характера деятельности банды являлись цели ее организации и мотивация участников. Однако применение этого показателя для классификации банд затруднено по крайней мере двумя обстоятельствами. Во-первых, цели и мотивы участников банд освещены в источниках со значительно меньшей полнотой и надежностью, нежели их действия. Во-вторых, в действиях одних и тех же банд политические и неполитические цели могли сочетаться. При определенных условиях (явное превосходство сил местной власти, отсутствие какой-либо поддержки со стороны населения, недостаток материальных ресурсов) явно политические по происхождению белогвардейско-эмигрантские формирования нередко на длительный срок были вынуждены ограничивать свои задачи поддержанием собственного существования за счет обыкновенного грабежа. Исходя из этого, точная идентификация банды как политической требует отделения ее основных целей от вспомогательных и ситуативных.

Используя предложенные определение и критерии и основываясь на доступной источниковой информации, автор попытался дать приблизительную количественную оценку масштабов политического бандитизма в Приморье в рассматриваемый период. В 1923 г. на территории Приморской губернии действовало (по моим подсчетам. — А.К.), 14 политических бандформирований². В 1924 г. таких банд было уже 19³. После достигнутого в 1924 г. пика политический бандитизм в Приморье стал быстро сокращаться: в 1925 г. в губернии действовали четыре политические банды⁴. На предельно низком

уровне количественные показатели политического бандитизма находились в следующие два года — в 1926 и в 1927-м, во Владивостокском округе была зафиксирована только одна банда⁵.

Однако уже с 1928 г. вооруженная активность противников коммунистического режима начинает расти: в 1928 г. в округе действовали две, а в 1929 г. — пять банд «политической окраски»⁶. В связи с развертыванием в Приморье массовой коллективизации в 1930 г. уровень политического бандитизма достигает очередного максимума — 17 бандформирований, за которым последовал его новый спад⁷.

Данные использованных мною источников и исследований неполны, а в некоторых случаях противоречивы, поэтому представленные выше цифры, безусловно, не могут считаться окончательными и требуют дальнейшего уточнения. Реальные количественные показатели политического бандитизма в исследуемый период, по всей видимости, были более высокими. Тем не менее приведенная статистика, на мой взгляд, достаточно определенно характеризует общую динамику изучаемого явления.

Внутренне политический бандитизм также был весьма неоднороден. В научной литературе он разделяется главным образом на внутренний (внутрироссийский) и внешний (зарубежный)⁸, причем основанием для этой классификации является место дислокации банд. Этот критерий недостаточно надежен, поскольку банды могли неоднократно менять свое место расположения. Более точным и информативным основанием для классификации политических банд, с моей точки зрения, может стать этнополитическая принадлежность их организаторов. По данному критерию политические банды, действовавшие в Приморье в 20-х — начале 30-х годов, можно разделить на четыре категории: 1) внешние эмигрантские — банды, созданные находившимися в Маньчжурии белогвардейскими и белоказацкими организациями и объединениями; 2) внешние иностранные — банды, образованные китайскими жителями Маньчжурии, в том числе на базе подразделений армии Чжан Цзолина; 3) внутренние иноэтнические — бандформирования, организованные китайцами и корейцами, постоянно проживавшими на территории Приморья; 4) внутренние восточнославянские — банды, созданные лицами из восточнославянского, прежде всего сельского населения Приморья.

Организационное происхождение банд в значительной степени определяло и их социальный состав. Однако прямой и необходимой связи между ними не было. Более или менее однородный состав организаторов и участников был характерен в основном для внешних иностранных, внутренних иноэтнических, а также внутренних восточнославянских банд. Тем не менее в их рядах встречались и представители белой эмиграции⁹. Что же касается внешних эмигрантских банд, то сами эмигранты в них нередко образовывали лишь изначальное и наиболее устойчивое ядро, тогда как большую часть членов этих формирований составляли жители Приморья, главным образом из числа восточнославянского населения.

В немногих исследованиях, авторы которых рассматривают проблему политического бандитизма, приоритеты отдаются белоэмигрантскому и китайско-корейскому («хунхузничеству») вопросам. Значимость изучения этих составляющих политического бандитизма в Приморье, указывающих на его внешнеполитические причины и следствия, важное место, принадлежавшее ему в системе международных отношений в Северо-Восточной Азии, несомненны. Однако наименьший интерес представляет вопрос о корнях данного явления в советском обществе Юга Дальнего Востока и той роли, которую играло в его возникновении и развитии приморское крестьянство.

Доступная сегодня источниковая информация позволяет говорить о том, что в деятельность политических банд в Приморье так или иначе были вовлечены тысячи жителей деревни. Основными формами такого вовлечения явля-

лись три: 1) организация бандформирований, 2) участие в их действиях, 3) пособничество. Наиболее массовым было пособничество, которое могло выражаться в предоставлении членам банд разного рода сведений, снабжении их продуктами, лошадьми и оружием, укрывании бандитов. Так, по оперативным данным на октябрь 1924 г. помощь бандитам оказывали 250 семей Спасского и Никольск-Уссурийского уездов¹⁰. Нет оснований сомневаться в том, что речь шла прежде всего о помощи политическим бандам: в 1924 г. на этой территории активно действовали созданные белоэмигрантами банды Овечкина, Пичуева, Емлина, Ширяева, Шубина и ряд других¹¹. Есть данные и о пособничестве сельских жителей конкретным бандформированиям — банды Овечкина, Пичуева и Емлина получали от крестьян одежду, продовольствие и кров, сведения о настроениях местного населения, передвижениях милиции и войск ГПУ. Во время нахождения одной из банд в селах Воздвиженке и Раковке Никольск-Уссурийского уезда население не только не поставило в известность власти, но и укрывало бандитов, снабжая их всем необходимым¹².

Немало представителей восточнославянского населения приморской деревни участвовали в деятельности политических банд непосредственно с оружием в руках. Об их примерном количестве можно судить на основе информации об общей численности и составе отдельных банд. Так, в банде есаула Овечкина, действовавшей в Приморье в 1923 г., в общей сложности насчитывалось 200 чел. При этом 25 из них являлись эмигрантами, пришедшими с Овечиным из Маньчжурии, а остальные — крестьянами Приханкайского района¹³. Конечно, не все из двух десятков внешних эмигрантских банд, перешедших в первой половине 20-х годов приморский участок советской границы, добились успехов. Тем не менее будучи изначально нацеленными на максимальное расширение своих рядов за счет местного населения¹⁴, многие эмигрантские бандформирования имели, по-видимому, сходную двухуровневую структуру. Таким образом, в период первого всплеска политического бандитизма в Приморье, который пришелся на 1923—1924 гг., число непосредственно участвовавших в нем представителей восточнославянского сельского населения должно было составлять несколько сотен человек ежегодно.

Особое значение для понимания той роли, которую в политическом бандитизме в Приморье играло местное сельское население, имеет изучение самостоятельной организации последних вооруженных отрядов. Вопреки проводившемуся в официальной историографии тезису о привнесении политического бандитизма в регион из-за рубежа¹⁵, инициаторами создания банд нередко являлись советские граждане. Уже в 1923—1924 гг. среди действовавших в Приморье политических банд внутренние восточнославянские банды составляли заметную часть. Так, в 1923 г. в Приморской губернии действовали, по крайней мере, три, а в 1924 г. — семь политических банд этого типа, оперировавших на территории Никольск-Уссурийского, Спасского и Владивостокского уездов¹⁶. Эти формирования, как правило, имели меньшую численность, чем банды эмигрантского происхождения, насчитывая обычно от нескольких единиц до нескольких десятков человек. Однако среди них встречались и крупные образования, обладавшие широкой сетью осведомителей и контролировавшие обширные районы (банда братьев Космыниных во Владимиро-Александровской волости Владивостокского уезда и др.)

Нуждаясь в материальной и политической поддержке, банды, созданные в приморской деревне, закономерно стремились наладить связи с белогвардейскими центрами в Маньчжурии. Кроме того, при необходимости они могли менять место своей дислокации, на длительное время укрываясь за границей. Вместе с тем часть политических банд этой разновидности вела, по-видимому, совершенно независимое существование. Прежде всего это касается вооруженных групп, оперировавших в отдаленных от границы лесных волостях Спасского и Владивостокского уездов¹⁷.

Социальный состав вовлеченных в деятельность политических банд восточнославянских жителей приморской деревни оказался сложным. В среде бандитов определились пришлые и маргинальные лица — осевшие в сельской местности белогвардейцы, беженцы, бывшие каторжане и ссыльные, дезертиры¹⁸. Однако основная часть членов банд, особенно их многочисленных добровольных пособников принадлежала к постоянному (земледельческому и промысловому) населению деревни. В их число входили не только кулаки и зажиточные крестьяне, но и середняки, в том числе демобилизованные красноармейцы¹⁹. Связанные с политическими бандами сельские жители нередко имели офицерские звания царской и белой армий или являлись в прошлом должностными лицами в местной администрации. Многие из них занимались контрабандой и поддерживали отношения с родственниками, эмигрировавшими в Китай²⁰.

Следует подчеркнуть, что для крестьян, организаторов и участников политических банд бандитизм был именно средством выражения недовольства политикой советского государства, а не источником существования и тем более не особым образом жизни. По свидетельству сотрудников ГПУ, в перерывах между налетами крестьяне-члены банд легко растворялись в местном населении, возвращаясь в свои семьи и становясь обычными «мирными хлеборобами»²¹. Очевидно, что для подобных людей политический бандитизм являлся своего рода естественным продолжением их повседневной хозяйственной деятельности, вынужденной формой артикуляции объективных социально-экономических интересов, которые не могли получить легального представительства в советских институтах власти на местах.

На органическую связь политического бандитизма 20-х годов с интересами обеспеченной и экономически активной части приморского крестьянства указывают и цели, которые преследовали банды. Стремясь вызвать в регионе массовые повстанческие выступления, их зарубежные организаторы пытались привлечь местное население традиционными для Белого движения лозунгами реставрации монархии и национального освобождения²². Однако собственные политические задачи потенциальных участников таких выступлений в приморской деревне имели более умеренный и конкретный характер. Главным предметом недовольства не только кулачества, но и широких слоев середняков в первой половине 20-х годов была налоговая политика советской власти. Именно отмена крайне обременительного для села продналога, а затем (с лета 1923 г.) сельхозналога, стала наиболее типичной целью организации крестьянами вооруженных отрядов²³. Желание изменить налоговую политику государства служило самым распространенным мотивом вовлечения крестьян и в деятельность внешних эмигрантских банд, которые под влиянием настроений местного населения стали широко использовать в своей политической агитации антиналоговые лозунги²⁴.

Существенное облегчение налогового бремени крестьянства с 1925 г. (во многом вызванное ожесточенным сопротивлением деревни) способствовало заметному сокращению в Приморье количества и численности банд, особенно внутреннего происхождения. Достоверно известно о существовании в 1925 г. только одной крестьянской политической банды²⁵. Сведений о деятельности подобных формирований во Владивостокском округе в 1926 и 1927 гг. нет. Вместе с тем, судя по сообщениям партийных органов с мест, возникшие ранее крестьянские отряды, воздерживаясь от вооруженных выступлений, не распались, а заняли выжидательную позицию²⁶.

Ожидания зажиточной части деревни вскоре оправдались. Переход государства к политике целенаправленного подавления кулачества в налоговой, землеустроительной и административной сферах повлек за собой новый рост политического бандитизма в регионе. Причем на этот раз крестьяне составляли не только наиболее многочисленную, но и ведущую, иницилирующую силу этого

движения. В 1928 г. во Владивостокском округе действовали две крестьянские политические банды, в 1929 г. — три, а в 1930 г. их количество достигло 14²⁷. Резкое увеличение количества банд в 1930 г., медленно снижавшегося затем в 1931—1932 гг., было связано с развернувшимися в приморской деревне массовой коллективизацией и раскулачиванием.

Наряду с расширением масштабов политического бандитизма кардинальная трансформация жизни крестьянства вызвала и изменение его идейного содержания. Политический бандитизм конца 20-х — начала 30-х годов был более радикален, чем бандитизм начала 20-х. Крестьяне, бравшие в руки оружие, не только протестовали против государственной политики в таких сферах, как налогообложение и кооперирование сельского хозяйства, но и выступали зачастую против власти партии и советского строя в целом²⁸. При этом по мере того как изменения в социально-экономическом укладе деревни становились необратимыми, а карательная политика государства ужесточалась, политические противоречия между ним и зажиточной частью крестьянства быстро усугублялись. Это хорошо видно на примере политической эволюции одной из крупнейших крестьянских банд в Приморье данного периода — банды Третьякова — Куксенко. Возникшая в апреле 1930 г. в Шкотовском районе эта банда первоначально выступала под лозунгами борьбы за «истинную пролетарскую власть», за «Советскую власть без коммунистической антанты, без хлебозаготовок и других кампаний»²⁹. Преследуемые силами милиции и ГПУ остатки банды Куксенко в сентябре 1930 г. были вынуждены уйти на территорию Китая. Когда же в мае 1932 г. бандиты вновь перешли границу СССР, их целью стала агитация местного населения за свержение советской власти³⁰.

Радикализация политических взглядов приморского крестьянства объективно, несомненно, способствовала их сближению с той позицией, которую занимала в отношении советского режима белогвардейская эмиграция. Тем не менее считать выступления под антикоммунистическими и антисоветскими лозунгами, инспирированными из-за рубежа³¹, вряд ли обосновано. Численность и масштабы деятельности эмигрантских банд в регионе в этот период в сравнении с 1923—1924 гг. были невелики и совершенно несопоставимы с массовостью и территориальным размахом крестьянского движения, охватившего в том числе и удаленные от границы юго- и северо-восточные районы Приморья. Кроме того, даже далеко идущие требования крестьян не несли в себе каких-либо следов белогвардейской идеологии. Их появление было закономерным результатом быстрого роста и обобщения собственных претензий крестьянства к государству, возможности законного выражения которых неуклонно сужались.

Таким образом, несмотря на значительное стимулирующее и организующее воздействие, а также материальную помощь со стороны белой эмиграции, по своим движущим силам и идейно-целевой направленности политический бандитизм в Приморье 20-х — начала 30-х годов был явлением прежде всего местного происхождения. Его динамика оказалась неразрывно связана с эволюцией экономической политики советской власти в дальневосточной деревне и соответствующими колебаниями в настроениях как кулачества, так и более многочисленных середняцких слоев крестьянства. Именно обусловленность бандитизма меняющейся остротой социально-политических противоречий между государством и крупнейшей группой населения региона придавала ему столь высокую значимость в глазах власти, заставляла считать борьбу с ним задачей чрезвычайной жизненной важности³². Тем не менее решить в основном эту задачу правящему режиму удалось лишь к 1933 г., когда после коллективизации большей части крестьянских хозяйств и сопровождавших ее массовых репрессий и депортаций социальная и политическая ситуация в приморской деревне коренным образом изменилась.

- ¹ Уголовный кодекс РСФСР 1922 года. Доступно из URL: <http://www.library.ru/help/docs/n10349/yk1922.txt>. Данный кодекс действовал до 1 января 1927 г., когда в действие был введен новый Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. (Доступно из URL: <http://vi.krsk.ru/arhiv.asp>). Содержание статей, посвященных бандитизму (ст. 58.2; ст. 59.4), в Уголовном кодексе 1926 г. по сравнению с ранее действовавшим осталось в целом неизменным.
- ² Подсчитано автором на основании: ГАПК. Ф. П-61, оп. 1, д. 261, л. 14, 46—47 об., 116; д. 257, л. 36; Легендарный Гродековский. Владивосток, 2002. С. 15, 17; Шабельникова Н.А. Милиция в борьбе с преступностью на Дальнем Востоке России (1922—1930 гг.). Владивосток, 2002. С. 383, 416.
- ³ Подсчитано автором на основании: ГАПК. Ф. П-61, оп. 1, д. 503, л. 5—5 об.; д. 508, л. 1, 2, 15, 16; Два года Советской власти в Приморье. Владивосток, 1925. С. 140; Легендарный Гродековский... С. 17, 19; Самойлов А.Д. На страже завоеваний Октября. М., 1986. С. 150; Шабельникова Н.А. Милиция в борьбе... С. 383, 395—396, 416.
- ⁴ Подсчитано автором на основании: ГАПК. Ф. П-61, оп. 1, д. 659, л. 1 об. — 2; Самойлов А.Д. На страже завоеваний... С. 157; Шабельникова Н.А. Милиция в борьбе... С. 417.
- ⁵ Подсчитано автором на основании: ГАПК. Ф. П-61, оп. 1, д. 659, л. 100—101; Шабельникова Н.А. Милиция в борьбе... С. 411.
- ⁶ Там же. Ф. П-67, оп. 1, д. 151, л. 15, 16 об.; д. 190, л. 38, 39; Калинина В.Н. Коммунисты Приморья в борьбе с искривлениями партийной линии в колхозном движении (1930 г.) // Учен. зап. ДВГУ. Т. 7. Ч. 1. Сер. обществ. наук. Владивосток, 1965. С. 97; Легендарный Гродековский... С. 25—30.
- ⁷ Подсчитано автором на основании: ГАПК. Ф. П-67, оп. 1, д. 313, л. 3, 4, 49 об., 50 об., 51, 129, 130, 132, 252, 253, 337, 359; Калинина В.Н. Коммунисты Приморья... С. 97.
- ⁸ Шабельникова Н.А. Милиция в борьбе... С. 375; Шелудько В.О. Борьба с бандитизмом на Дальнем Востоке в начале XX в. // Органы государственной безопасности Приморья: Взгляд в прошлое во имя будущего. Владивосток, 2003. С. 167.
- ⁹ Шабельникова Н.А. Милиция в борьбе... С. 404.
- ¹⁰ Там же. С. 417.
- ¹¹ Большух А.В., Зибарев В.А., Крушанов А.И., Кузнецов М.С., Мандрик А.Т., Флеров В.С. История Дальнего Востока СССР. В 4-х т. Владивосток, 1977. Кн. 7. С. 43; Легендарный Гродековский... С. 17, 19; Самойлов А.Д. На страже завоеваний... С. 150.
- ¹² ГАПК. Ф. П-61, оп. 1, д. 508, л. 19.
- ¹³ Там же. Д. 261, л. 56.
- ¹⁴ Самойлов А.Д. На страже завоеваний... С. 150—151.
- ¹⁵ Два года Советской власти в Приморье... С. 5; Самойлов А.Д. На страже завоеваний... С. 150—151.
- ¹⁶ Подсчитано автором на основании: ГАПК. Ф. П-61, оп. 1, д. 261, л. 46—47 об., 116; д. 503, л. 5—5 об.; д. 508, л. 1, 2, 15, 16; Лед и пламень. Владивосток, 1977. С. 78; Шабельникова Н.А. Милиция в борьбе... С. 383, 395—396.
- ¹⁷ ГАПК. Ф. П-61, оп. 1, д. 508, л. 1, 2, 15, 15 об.; Лед и пламень. С. 78.
- ¹⁸ Самойлов А.Д. На страже завоеваний... С. 136, 139; Шабельникова Н.А. Милиция в борьбе... С. 371—372.
- ¹⁹ Лед и пламень. С. 147; Самойлов А.Д. На страже завоеваний... С. 136.
- ²⁰ Два года Советской власти в Приморье. С. 139.
- ²¹ Щит и меч. Владивосток, 1978. С. 54.
- ²² Два года Советской власти... С. 139—140; Самойлов А.Д. На страже завоеваний... С. 157; Флеров В.С. Дальний Восток в период восстановления народного хозяйства. Томск, 1973. Т. 1. С. 368—369.
- ²³ ГАПК. Ф. П-61, оп. 1, д. 261, л. 56 об. — 57 об.; Дроздов Э.А. Борьба с политическим бандитизмом (1920—1930 гг.) // Органы государственной безопасности Приморья: Взгляд в прошлое во имя будущего. Владивосток, 2003. С. 159; Шабельникова Н.А. Милиция в борьбе... С. 416.
- ²⁴ Два года Советской власти в Приморье. С. 140; Самойлов А.Д. На страже завоеваний... С. 138; Шабельникова Н.А. Милиция в борьбе... С. 416.
- ²⁵ Там же. С. 417.
- ²⁶ ГАПК. Ф. П-67, оп. 1, д. 110, л. 85, 87.
- ²⁷ Подсчитано автором на основании: ГАПК. Ф. П-67, оп. 1, д. 151, л. 15, 16 об.; д. 190, л. 38, 39; Д. 313, л. 3, 4, 49 об., 50 об., 129, 130, 252, 253, 337, 359; Калинина В.Н. Коммунисты Приморья... С. 97;
- ²⁸ ГАПК. Ф. П-67, оп. 1, д. 151, л. 15; Д. 189, л. 39; Д. 313, л. 2, 4, 24; Гончаренко А.М. Деятельность Приморской партийной организации по развитию сельского хозяйства округа в период 1926—1928 гг. // Учен. зап. ДВГУ. Т. 7. Ч. 1. Сер. обществ. наук. Владивосток, 1965. С. 42—43; Лыкова Е.А., Проскурина Л.И. Деревня российского Дальнего Востока в 20—30-е гг. XX века: Коллективизация и ее последствия. Владивосток, 2004. С. 137—138.
- ²⁹ ГАПК. Ф. П-67, оп. 1, д. 313, л. 2, 24.
- ³⁰ ПГОМ им. В.К. Арсеньева. НВ 6841-7, л. 1, 15—16.
- ³¹ Лед и пламень... С. 9; Шабельникова Н.А. Милиция в борьбе... С. 431.
- ³² Самойлов А.Д. На страже завоеваний... С. 150.

SUMMARY: The article “Raskulachivanie of Primorye Peasants — the State Policy of the 1920s—1930s”, the author of which is Candidate of Politology Anton Kireev, is devoted to the study of social base and ideological direction of political banditism in Primorye in the 20s — the early 30s of the 20th century. The principal attention is aimed to the consideration of scale, forms and motives of involving political bands of peasantry into the activity.